

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 203–229.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 203–229.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-203-229

«Я ХОТЕЛ БЫ ПРИНЕСТИ ПОКАЯНИЕ»: ИСПОВЕДЬ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Людмила Федоровна Луцевич

Варшавский университет,
Варшава, Польша, l.lutewici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть «Исповедь язычника» (1918) Александра Блока как прозаический текст, где в равной мере проявляются «поэтика» жизненного поведения автобиографического повествователя и развитие литературного сюжета. Обращено внимание на характер творческой исповедальности поэта с ее максимальной искренностью, чистотой и полнотой в выражении чувств. В результате проведенного анализа установлено, что «Исповедь язычника» включает основные компоненты исповедального текста: здесь есть раскаяние в давнем грехе; есть метанойя — перемена настроения (от обожания мальчика к его презрению), есть «исправление», примирение с самим собой, возвращение на путь истинный (выбор розовой девушки). Это значит, что в основе своей текст как исповедь состоялся, и он фактически завершен.

Ключевые слова: Александр Блок, исповедь, язычник, автобиографический повествователь, покаяние, грех, Петербург 1918 года, Великий пост, гимназия, Дмитрий, розовая девушка

Ссылка для цитирования: Луцевич Л. Ф. «Я хотел бы принести покаяние»: исповедь Александра Блока // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 1. С. 203–229. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-203-229.

Memory of Culture

“I WOULD LIKE TO BRING REPENTANCE”: THE CONFESSION OF ALEXANDER BLOK

Ludmila F. Lutsevich

Warsaw University,
Warszawa, Polska, l.lutevici@uw.edu.pl,
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Abstract. The article attempts to consider the “Confession of a Pagan” by Alexander Blok as a prose text, where the “poetics” of the autobiographical narrator’s life behavior and the development of the literary plot are equally manifested. Attention is drawn to the nature of the poet’s creative confessional with its maximum sincerity, purity and completeness in the expression of feelings. As a result of the analysis, it was found that the “Confession of a pagan” includes the main components of the confessional text: there is repentance for an old sin; there is metanoia — a change of mood (from adoration of the boy to his contempt), there is “correction”, reconciliation with oneself, return to the true path (the choice of a pink girl). So, basically, the text as a confession took place, and it is actually completed.

Keywords: Alexander Blok, confession, pagan, autobiographical narrator, repentance, sin, St. Petersburg 1918, Great Lent, gymnasium, Dmitry, pink girl

For citation: Lutsevich, L. F. (2023) “‘I would like to bring repentance’: The Confession of Alexander Blok”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 203–229. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-203-229.

1

Весна 1918 года выдалась для Блока тяжелой — в письмах он не раз жаловался на усталость, — но вместе с тем плодотворной. Написаны «Скифы», «Двенадцать», «Катилина», «Крушение гуманизма», «Интеллигенция и революция», «Сограждане», «Русские денди», «Моя исповедь. Исповедь язычника» и др. Блоковская исповедь и является основным предметом наблюдений в данной статье.

Слово «исповедь» имеет два основных словарных значения:

- церковное таинство покаяния (одно из семи христианских таинств: крещение, причащение, священство, покаяние, миропомазание, брак, елеосвящение), когда «христианин искренно и сердечно раскаиваясь в грехах своих и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и с надеждою на Его милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему его грехи» [Покаяние, 1913, стб. 1826];

- литературно-публицистический и философский жанр, включающий «откровенное признание героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенное к читателям; рассказ о себе, стремящийся дать слушателю-читателю настолько полное (в этическом смысле) знание чужих поступков и их мотивов, чтобы оно свидетельствовало об ответственности “я” и было поводом для его возможного признания и оправдания другим» [Волкова, 2008, с. 85].

Русские писатели Серебряного века в не меньшей степени, чем классического XIX, обращаются к исповеди. Многочисленные покаяния и признания

А. А. Блок. Фотография. 1918. В апреле 1918 года Блок работал над «Исповедью язычника». В письме к матери от 26 апреля 1918 года он признавался: «...мне трудно жить, ...и физически, и душевно, и матерьяльно»

есть как в стихах, так и в прозе, в произведениях художественных и автобиографических. Стихотворные исповеди пишут Николай Минский и Зинаида Гипшиус, Константин Бальмонт и Вячеслав Иванов, Анна Ахматова и Сергей Есенин, Дон-Аминадо и Марина Цветаева и многие другие. Исповеди прозаические — публицистические и автобиографические — создают Сергей Дурылин «В школьной тюрьме. Исповедь ученика» (1907); Андрей Белый «Каменная исповедь. По поводу статьи Н. А. Бердяева “К психологии революции”» (1908); Валерий Брюсов «Моя исповедь. “Правда о смерти Н. Г. Львовой”» (1913); Николай Толстой «Исповедь священника» (1914), Александр Тиняков «Исповедь антисемита (письмо в редакцию)» (1916), Владимир Короленко «Отклоненная исповедь» (1921), Черубина де Габриак «Исповедь» (1926) и др. У каждого автора обращение к исповеди обусловлено конкретной причиной; и сама исповедь имеет, как правило, определенное толкование. Блоку, например, важна максимальная открытость, откровенность, чистота и полнота выражения чувств. Он считает, что в искусстве

только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла, — для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть, — только оно может стать великим. Если эта сожженная душа... огромна, — она волнует не одно поколение, не один народ и не одно столетие. Если она и не велика, то, рано ли, поздно ли, она должна взволновать по крайней мере своих современников, даже не искусством, даже не новизною, а только искренностью самопожертвования.

[Блок, 1960–1963, т. 5, с. 278]

В религиозном таинстве покаяния «исповедь есть размягчение душевное, желание “исправиться”» [Там же, т. 8, с. 316]. Индивидуальные потребности в исповеди, ее авторские трактовки не исключают некой типологической заданности в обращении к ней русских писателей. Эта общая заданность обусловлена духовной и бытовой воцерковленностью, закрепленной в жизни императорской России на государственном уровне, требовавшей почитания догматов веры, соблюдения церковного календаря, участия в богослужениях, таинствах и проч. Религиозные дисциплины, как известно, преподавались в школах, гимназиях, университетах; каждый учащийся был обязан ежегодно предоставлять справку об исповеди и причастии. Вольно или невольно, глубоко или поверхностно, но человек развивался в рамках религиозного сознания. Большинство авторов обращалось к исповеди в творчестве инстинктивно, когда возникала потребность в анализе событий давно прошедшего времени, в

Гимназист Александр Блок. Фотография. 1891

признании реальных или помысленных неблагоприятных деяний, в осознании каких-то сущностных перемен, в стремлении подвести жизненные итоги и т. д. Автобиографическая исповедь фиксирует на письме и в сознании самого пишущего некий этап духовного развития, нередко процесс «развертывания» собственной личности, когда, описывая себя, автор «расширяет» сознание в осмыслении своей духовной, психической, физической природы (с ее возможностями или ограничениями) [Луцевич, 2020, с. 479–480]. Вот и Александр Блок в 1918 году — как оказалось, к концу жизни — обращается к исповеди.

2

Религиозные настроения поэта были, как известно, достаточно противоречивы [Даниленко, 2013, с. 345–356; Тимощенко, 2003, с. 74–90; Хайруллин, 2015, с. 68–85]. Ортодоксальное христианство отвращало его своим догматизмом с его жесткими формализованными «правилами веры», санкционированными церковью, отсюда неизменно негативное отношение как к официальной церкви: «...общий враг наш — российская государственность, церковность...» [Блок, 1960–1963, т. 8, с. 281], так и к ее служителям — «...сословию нравственно тупых людей духовного звания» [Там же, т. 7, с. 329]. В письмах 1900-х годов он настойчиво демонстрирует свое религиозное неверие: «...я *всегда НЕ ВЕРЮ!*»; «...я дальше, чем когда-нибудь, от религии»; «У меня нет религии»; «...в бога я не верю и не смею верить», «Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха) все больше унижают меня; как будто и в самом деле происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен» [Там же, т. 8, с. 114, 133, 134, 197, 236]. В статье «Безвременье» (1906) Блок зафиксировал кардинальные перемены, произошедшие в жизни своих современников: «Люди стали жить странной, совсем чуждой человечеству жизнью. Прежде думали, что жизнь должна быть свободной, красивой, религиозной, творческой... Теперь развилась порода людей, совершенно перевернувших эти понятия... Они утратили понемногу... сначала Бога, потом мир, наконец — самих себя» [Там же, т. 5, с. 68]. В 1910-е

годы ситуация не особо изменилась. В дневниках встречаются по-прежнему такие записи: «Искусство и религия умирают в мире»; «В народе говорят, что все происходящее — от падения религии»; «Религия — грязь (попы и пр.)... Романтизм — грязь. Все, что *осело* догматами, нежной пылью, *сказочностью* — стало грязью» [Там же, т. 7, с. 231, 289, 326]. Но вот в письме к матери от 16 июня 1916 года он пишет уже иначе:

Я достал первый том того «Добротолубия», «флoкaлa» — *Любовь к прекрасному (высокому)* (...) Это, собственно, сокращенная патрология — сочинения разных отцов церкви, подвижников и монахов (пять огромных томов). Переводы с греческого, не всегда удовлетворительные, «дополненные» попами, уснащенные церковнославянскими текстами из книг св. писания Ветхого и Нового завета (неизменно неубедительными для меня). Все это — отрицательные стороны. Тем не менее в сочинениях монаха Евагрия (IV века), которые я прочел, есть «гениальные вещи» (выражаясь... неумеренно).

[Там же, т. 8, с. 463]

А в «Возмездии» автобиографический лирический герой признается: «Пусть церковь темная пуста, / Пусть пастырь спит; я до обедни / Пройду рoсистую между, / Ключ ржавый поверну в затворе / И в алом от зари притворе / Свою обедню отслужу» [Там же, т. 3, с. 302]. В творчестве Блока, по словам В. К. Кантора, «не случайны строки о “мерцанье красных лампад”, о “темных храмах”, о девушке в церковном хоре...», речь идет о «высоком служении Прекрасной Даме, служении, совпадавшем с религиозным» [Кантор, 2017, с. 138].

3

Незавершенный, как принято считать [Шабельская, 1962, с. 501], автобиографический текст, «лирический фрагмент» [Магомедова, 1997, с. 53] получил двойное название: «Исповедь язычника. Моя исповедь». В записной книжке за *апрель 1918 г.* (это и есть указанная автором датировка исповеди) Блок делает две краткие пометки. 14 апреля записывает: «Продолж(ал) “Моя (?) исповедь”. Рассказ? Предисловие к чему-то?» [Блок, 1956, с. 400]. Как видно, автор пока не определился ни со степенью автобиографизма («моя»?), ни с жанром (рассказ, предисловие?), ни с функциональным назначением своего текста. Однако ровно через неделю — 21 апреля — появилась следующая запись: «“Исповедь язычника” — история двух мальчиков» [Там же, с. 401]. Здесь уже означены: жанр (исповедь), повествователь (язычник), сюжетный центр (некая личная история из «давней поры своей жизни» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 38] как

воспроизведение и осмысление реальных фактов прошлого) и персонажи (два мальчика). К. В. Мочульский считал, что «Блок — христианин, аскет и мистик, называет себя “язычником”», потому что он не знал «внутренней жизни церкви» [Мочульский, 1948, с. 417]. Поэт действительно не строил свою жизнь как человек, соразмеряющий свои мысли и поступки с Евангелием и Священным Преданием, но основные церемониальные обряды православной церкви (молитва, посещение храма, участие в таинствах исповеди и причащения и др.) ему были хорошо известны. Ведь от каждого ребенка при поступлении в первый класс гимназии требовалось «знание главнейших утренних и вечерних молитв и важнейших событий Священной истории Ветхого и Нового завета» [Устав ... , 1874, с. 88]. Уже будучи 18-летним юношей, перенося свидание с К. Садовской, Блок оправдывался: «...меня заставляют исповедоваться именно вечером» [Блок, 1960–1963, т. 8, с. 8], то есть на вечернем богослужении. Дневники поэта свидетельствуют, что он постоянно использует в своей речи лексику церковного календаря (Страстная суббота, Пасхальная неделя, Троицын день, Благовещенье, светлая Пасха, Успение, Рождество и т. д.), он венчается с Л. Менделеевой в церкви села Тараканово, читает *Евангелие*, интересуется историей русской церкви, сокрушается, что «Милая не приедет на Пасху», и

Петербург. Введенская гимназия. В 1891 году Александр Блок поступил во второй класс Введенской гимназии, которую окончил в 1898 году

проч. [Там же, т. 7, с. 9, 44, 114, 235]. Обрядовую жизнь православной церкви поэт знал, другое дело, что он не придавал ей высокого религиозного пафоса.

Определение «язычник» в исповеди, думается, имеет иную коннотацию. Согласно словарю В. И. Даля, «язычник» — «идолопоклонник, кумирник [кумиропоклонник [Даль, 1978–1980, т. 2, с. 217]]¹, обожатель земной природы, болван, истукан» [Там же, т. 4, с. 675]. Слово является заимствованием из старославянского языка, где оно имело значение «иноверец» и было образовано как калька с греческого (*ethnikos, ethnos* — «народ»); оно встречается в библейских текстах 49 раз и толкуется как «народы» («языки»), не имеющие Евангелия, то есть иноверцы, в противоположность ранним христианским общинам: Петру было велено нести Евангелие язычникам (Деян. 10:9–48). Со временем христиане стали отождествлять язычество с гедонизмом, культивирующим в разных формах удовольствие, наслаждение, сладострастие. В таком значении «язычник» — человек чувственный, материалистичный, потакающий своим прихотям, прежде всего сексуального характера, трактуемым христианами как безнравственные. Святые отцы Василий Великий, Григорий Нисский, Блаженный Августин и др. рассматривали гомосексуальность (мужеложство) как тяжкий грех, заслуживающий отлучения от церковного общения и многолетнего покаяния. Иоанн Златоуст поучал: «...мужеложство и противозаконно, и противоестественно» [Иоанн Златоуст, 1903, с. 519], «мужеложники хуже убийц» [Там же, с. 520], «у язычников не только учение было сатанинское, но и жизнь дьявольская» [Там же, с. 517], все их «страсти бесчестны, но особенно бесчестна безумная любовь к мужчинам, потому что душа страдает и унижается в этих грехах более, чем тело в болезнях» [Там же, с. 516]. В Российской империи «мужеложство» квалифицировалось как уголовное преступление. Юрист И. Б. Фукс пояснял:

Гомосексуализм... означает плотскую, в той или иной форме любовь мужчины к мужчине, любовь, противоположную гетеросексуальной любви... Громадное распространение этого явления у народов всех стран и всех веков должно было бы, казалось, сделать его предметом всестороннего и тщательного изучения, предметом глубокого теоретического анализа и это тем более, что в то время, как в одну эпоху, у одних народов явление это поощрялось, возводилось в добродетель, в степень религиозно-нравственной обязанности, считалось признаком, доказательством благородства, утонченности природы или, по

¹ Здесь и далее во всех цитатах в квадратных скобках приводятся пояснительные тексты, принадлежащие автору настоящей статьи. — *Примеч. ред.*

крайней мере, считалось и считается делом личных совести и наклонностей индивидуума, — в иное время, в других государствах оно влекло и влечет за собою тяжелую уголовную кару, жестокое наказание, причисляется законами к тягчайшим посягательствам на общественный порядок, на семейный уклад, на жизненность нации, а в некоторых странах, претендующих на исключительную гуманность своих уголовных кодексов, клеймится позором и наказуется продолжительным тюремным заключением или каторжными работами наравне с убийством...

[Фукс, 1914]

Давая двойное название тексту «Исповедь язычника. Моя исповедь», автор, с одной стороны, сохранял элемент автобиографизма («моя»); с другой — ассоциировал образ повествователя с «язычником» как нарушителем христианской морали. Стоит отметить, что исследователи, непосредственно писавшие об «Исповеди язычника», прежде всего К. Мочульский и А. Эткинд, как правило, объединяют образ исповедующегося повествователя с биографическим Александром Блоком [Мочульский, 1948, с. 23, 415–417; Эткинд, 2019]. В этом тексте действительно многие суждения отражают позиции и оценки самого

Александр Блок (стоит в 4-м ряду, 1-й справа) среди педагогов и учащихся Введенской гимназии. С.-Петербург. 1895 (?)

поэта, но наряду с этим в тексте есть персонажи, чьи лица (при наличии реальных прототипов) все-таки скрыты за вымышленными именами, поэтому, наверное, правомерно использовать применительно к повествователю такую нейтральную в данном случае категорию, как автобиографический герой, то есть литературный образ, наделенный реальными фактами авторской биографии, соответственно чертами внешности и характера. Д. М. Магомедова обратила внимание на то, что поэт «непрерывно создает автобиографические версии как документального, так и художественного типа», то есть произведения, объединяющие два ряда «биографических событий: эмпирический и эзотерический», причем второй значим «только для посвященных или даже исключительно для самого поэта» [Магомедова, 1997, с. 8, 9]. Если распространить это наблюдение на «Исповедь язычника», то можно отметить, что в этом тексте в равной степени проявляются и «“поэтика” жизненного поведения Блока», и литературное «развитие сюжета» [Там же].

4

Исповедальное повествование «от первого лица» начато с констатации оксюморонной ситуации, невиданной в русской христианской истории: «Петербургская весна 1918 года и Великий пост» (кстати, с описания «Первой недели Великого поста» начнет свою «Исповедь» и Надежда Тэффи [Тэффи, 1921, с. 125]). Блок сохраняет первоначальное название города — Петербург, хотя уже в августе 1914 года на волне антигерманских настроений по указу Николая II город был переименован в Петроград. В ходе Октябрьской революции власть перешла к большевикам — возникла Российская Советская Республика. 23 января (5 февраля) 1918 года Ленин подписал декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», что было воспринято основной частью населения страны с непониманием, недоумением, негодованием. Указанные в блоковской исповеди время и место — не просто реальный хронотоп, но и символическое обозначение нового социально-политического устройства, где, как пишет автор, «Церковь умерла, а храм стал продолжением улицы» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 38]. Акцент в данном случае сделан на семантической разнице слов «церковь» и «храм», которые обозначают две взаимосвязанные, но различные реальности. Современник Блока — богослов, духовный писатель, профессор Иларион (Вл. Троицкий), опираясь на послания апостола Павла в толковании Церкви как «Тела Христова» (1 Кор. 12:27), видел в Ней «благодатное соединение возрожденных Богочеловеком людей в союз любви» и давал такое ее общее определение: *«Церковь есть общество верующих в Господа Иисуса Христа Сына Божия людей, возрожденных Им и Духом Святым, соединенных в любви»*

и под непрекращающимся воздействием Святого Духа достигающих совершенства» [Троицкий, 1912, с. 10–11]. Дух Христов, согласно апостолу Павлу, производит переоценку всех ценностей и человеческих отношений, в Церкви мир обретает данную Богом цель: люди становятся «совершенными» (1 Кор. 2:6), через Церковь (как Свое Тело) Христос продолжает дело спасения мира. Вера в Христа призвана была сформировать новое человечество, живущее в согласии с волей Божией. Церковь именно в таком высоком религиозно-нравственном назначении (с ее призванием распространять благодать на человека, осуществлять его освящение, преображение, спасение и проч.), согласно восприятию Блока, с победой большевиков совершенно исчезла: «...русской церкви больше нет. Я и многие подобные мне лишены возможности скорбеть об этом потому, что церкви нет» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 38]. Остались «храмы», то есть «хоромы, жилой дом, храмина... здания» [Даль, 1978–1980, т. 4, с. 564], как «продолжение улицы». Возникают дополнительные коннотации, соотносящиеся со словом «уличный» в значении «беспризорный», «низкопробный, пошлый», вполне проявленные в тексте далее:

...храмы не заперты и не заколочены; напротив, они набиты торгующими и продающими Христа, как давно уже не были набиты... Двери открыты, посредине лежит мертвый Христос. Вокруг толпятся и шепчутся богомолки в мужских и женских платьях: они спекулируют; напротив, через улицу, кофейня; двери туда тоже открыты; там сидят за столиками люди с испытанными лицами и тусклыми глазами; это картежники, воры и убийцы; они тоже спекулируют. Спекулянты в церкви предают большевиков анафеме, а спекулянты в кофейне продают аннулированные займы; те и другие перемигиваются через улицу; они понимают друг друга.

[Блок, 1960–1963, т. 6, с. 38]

Повествователь выступает не просто в функции объективного наблюдателя, он открыто занимает позицию правоверного христианского проповедника-обличителя. Новая власть, руководствуясь материалистическими, атеистическими концепциями, учением об отмирании в будущем государства и других институтов, включая церковь, решила в одночасье освободить сознание людей от «религиозного дурмана», начав гонения на духовенство и церковь. В сложившихся обстоятельствах сам хронотоп «Петербургская весна 1918 года и Великий пост» должен восприниматься как бессмысленный, нелепый, лишенный какой-либо логической составляющей, что и подтверждает риторический вопрос: «Кому, кроме обывателя да бедного составителя календаря,

тщетно пытающегося приспособить старых святых к новому стилю, придет в голову такое сочетание?» [Там же].

Однако и в такой абсурдной ситуации для православного верующего, а таковым сейчас позиционирует себя нарратор, Великий пост остается временем внутреннего нравственного обновления. В толковании святых отцов и теологов, Великий пост — «настоящая школа покаяния, в которой каждый человек должен ежегодно учиться углублять свою веру, пересматривать свою жизнь и, насколько это возможно, ее изменять. ...это ежегодное паломничество к самым истокам православной веры, где нам вновь открывается, как должен жить православный человек» [Шмеман, 1993, с. 4–5]. Церковь специально определила семь недель покаяния, призывая верующих к раскаянию в грехах и к духовному деланию, то есть к неустанной работе над собственной духовной сущностью.

В апреле 1918 года автор исповеди, как пишет, осознал, что он — «русский, а русские всегда ведь думают о церкви; мало кто совершенно равнодушен к ней; одни ее очень ненавидят, а другие любят; то и другое — с болью»; он вспомнил, что «тоже ходил когда-то в церковь», но очень «давно не исповедался, а... надо исповедаться» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 39]. Это признание произвело исключительно сильное впечатление на биографа Блока К. В. Мочульского:

Безбожная революция, объявившая религию «опиумом для народа», открыла Блоку те «пропасти сознания», которые были доселе для него закрыты. Борьба между отрицающим и разрушающим умом и душой, погруженной в мистические видения, — кончилась победой религиозной стихии. Теперь, когда больше нет церкви, он вспоминает, что находил в ней то, «чего напрасно искал в мире»; понимает, что любит ее... с болью. И самое удивительное: прожив почти всю жизнь без исповеди — теперь, в эпоху официального атеизма, он осмеливается заявить публично: «мне надо исповедаться». Это свидетельство поэта непреложно. ...душа Блока по природе своей христианка.

[Мочульский, 1948, с. 416–417]

Потребность в исповеди повествователь сейчас связывает не с церковью, а с революцией, «одно из благодеяний» которой он видит в том, что «она пробуждает к жизни всего человека... напрягает все его силы и открывает те пропасти сознания, которые были крепко закрыты» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 39]. Для Блока — человека и художника — всегда были значимы, как он признавался, «бесконечные воспоминания», при этом он старался «схватить и вспомнить все — и не одной памятью головной, а и сердцем, и волей» [Там же, т. 7, с. 40]. Память,

как видно, мыслится многоуровнево: не только как процесс интеллектуального запечатления и сохранения в сознании событий прошлого, но и как процесс эмоционально окрашенный, волюнтаристский, делающий возможным повторное возвращение опыта прошлого в сферу сознания и использование его в творческой деятельности. В исповеди автор признается: «Так и я вспомнил одну давнюю пору своей жизни, которая меня преследует и не дает мне покою. Я хотел бы принести покаяние в одном из грехов, который я совершил» [Там же, т. 6, с. 39]. При этом сохраненное памятью восприятие («вспомнил», «совершил») оказывается не прошлым, а настоящим («преследует», «не дает»), обуславливающим когнитивное будущее («хотел бы»), которое проявляется в самом процессе создания (написания) текста исповеди.

Александр Блок по окончании гимназии. Фотография Е. Л. Мрозовской. Весна 1898 года

5

Структурно блоковская исповедь состоит из пяти небольших главок: в первой представлены размышления о церкви и революции; во второй — воспоминания о первом гимназическом дне и отдельно о некоем мальчике-гимназисте; в третьей — общая атмосфера, характер обучения и воспитания в «очень захолустной» гимназии, где «мальчики вышли по большей части из семей неинтеллигентных; ...быстро развращались. ...Учились курить, говорили и рисовали много сальностей. К середине гимназического ученья кое-кто уже обзавелся романом; некоторые свели дружбу с классными наставниками и их помощниками, и стало чувствоваться, что, кроме обязательных гимназических, существуют еще какие-то приватные и частные отношения между воспитателями и некоторыми учениками» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 41–42]; в четвертой главке кратко сказано об успеваемости и поведении гимназиста Дмитрия, который «был мало замечен в классе. Учился он не плохо, но и не особенно хорошо, был обыкновенно в первом десятке» [Там же, с. 43]; «гораздо незаметнее и тише меня; в его характере было что-то самодовлеющее и успокаивающее

окружающих и отклоняющее всевозможные их притязания» [Там же, с. 44]; в пятой главке речь идет о конной поездке повествователя вместе с Дмитрием из Шахматово в Боблово и видении «девушки в розовом платье» [Там же, с. 48].

Большая часть исповеди посвящена гимназическому обучению в «деляновские времена»². Блок поступил во Введенскую гимназию, расположенную сравнительно недалеко от дома на Большом проспекте Петербургской стороны, в 1889 году. Впечатление она произвела тяжелое: «...товарищи, учителя, самый класс, все казалось ему диким, чуждым, грубым» [Бекетова, 1930, с. 47]. О первом дне занятий Блок на всю жизнь сохранил впечатление жуткое. «Мама привела меня в гимназию; в первый раз в жизни из уютной и тихой семьи я попал в толпу гладко остриженных и громко кричащих мальчиков; мне было невыносимо страшно... Проявить свое отчаяние и свой ужас, выразить их в каких-нибудь словах или движениях или просто — слезах было немислимо. Мешал ложный стыд» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 40]. Память сохранила остро пережитые негативные эмоции: страх, отчаяние, ужас, обусловленные состоянием полной незащитности в новом внешнем окружении. Однако в тот же день первоклассник пережил и совсем другое, более сильное, «ни с чем несравнимое чувство», возникшее под влиянием внезапно увиденного незнакомого мальчика (одного из дежурных в классе), внешний образ которого и эмоциональное отношение к нему запечатлены в исповеди так:

Мальчик был довольно высок ростом, худоцав и строен, у него был нежный и правильный профиль, и волосы были не совсем острижены, так что было видно, что они завивались и на лоб опустился один завиток. Я почувствовал к нему, к его лицу, ко всей фигуре, ко всему существу его, острое и пламенное обожание, которое залило горячей волной все мое сердце, все мое тело.

[Там же]

К. В. Мочульский увидел в этом описании впервые пробудившееся эротическое волнение юного поэта, когда «на мгновение приоткрывается эротическая стихия его духа» [Мочульский, 1948, с. 21]; а Александр Эткинд — свидетельство «гомоэротического греха» [Эткинд, 2019]. Оба исследователя, констатируя

² И. Д. Делянов — министр народного просвещения с 1882 по 1897 год, сторонник «классической системы преподавания», в основе которой лежало формализованное изучение древних языков, «учили почти исключительно грамматикам, ничем их не одухотворяя, учили свирепо и неуклонно, из года в год, тратя на это бесконечные часы. ...никому из учителей и в голову не приходило пробовать научить мальчиков чему-нибудь, кроме того, что было написано в учебниках “крупным” шрифтом (“мелкий” обыкновенно позволяли пропускать)» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 41].

гомосексуальную аллюзию, оставили без внимания последующее признание повествователя: «Не-что подобное я испытывал в детстве на елке, когда играл с моими сверстниками. Старшей среди них была стройная девочка полька³. Раз я случайно взглянул на нее... в ту минуту, когда она, наклонившись вперед и сложив перед собой худые руки, как будто приготовилась полететь и на мгновение застыла. Тогда волна обожания тоже обожгла меня...» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 40]. Девочка-полька и мальчик-гимназист вызвали, как видно, аналогичные, равнозначные чувства: «...волна обожания... обожгла»; «пламенное обожание... залило горячей волной». Однако Блок пытается дифференцировать свои детско-отроческие ощущения: с девочкой он связывает «просыпающуюся детскую чувственность»; с гимназистом — «особенный, древний ужас», под которым разумеется «ужас судьбы», предначертанной свыше, на которую нельзя ни повлиять, ни изменить [Иванов, 1994, с. 330–331]. А. Эткинд считает, что «в прозе... 1918 года Блок приходит к новому пониманию своей “двойственности”. Теперь амбивалентность интерпретируется как бисексуальность» [Эттинд, 2019].

Любовь Дмитриевна Менделеева.
Фотография. 1896–1897

6

Идею изначальной бисексуальности каждого человека развивал Отто Вейнингер в книге «Пол и характер» [Вейнингер, 1908], получившей широкое распространение в России. В печатном обсуждении книги приняли участие многие видные представители Серебряного века: Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Зинаида Гиппиус, Николай Бердяев, Василий Розанов, Павел Флоренский, Михаил Кузмин и др. В новое время, когда в России «гомосексуальность становится возможной, поскольку она более не подвергается уголовному преследованию»

³ М. А. Бекетова вспоминает только об одной девочке, подруге детских игр Александра — Наташе Ивановой [Бекетова, 1930, с. 47].

[Клещ, 2012, с. 96], актуализировалось внимание к проблемам сексуальной самореализации, к «русскому вейнингеризму и уайльдизму, литературному поведению и эротическому кодексу русского декадента» [Павлова, 2004, с. 6], к вопросам взаимоотталкивания/взаимопритяжения мужского/женского начал, телесной и психической андрогинии [Кон, 2016], при этом остро интересовало, по словам исследовательницы, «влечение к собственному полу, ставшему на рубеже веков альтернативой гетеросексуальной любви» [Матич, 2008], и проч. Эти вопросы нередко приобретали характер личностный. Вспомним хотя бы Н. А. Бердяева, писавшего будущей жене Лидии Рапп: «С ранних лет вопрос о поле казался мне страшным и важным, одним из самых важных в жизни. С этим связано у меня очень много переживаний, тяжелых и значительных для всего существования» [Бердяев, 1981, с. 240]. Встреча Розанова с Варварой Бутягиной в конце 1890 года побудила философа к глубоким размышлениям о «религии пола», где пол, мыслимый как «мировой феномен; ...не орган и не функция, а что-то духовное и одновременно физическое» [Розанов, 1999, с. 216], является физической, метафизической и мистической основой брака. З. Н. Гиппиус, разделяя воззрения знаменитого австрийца относительно «постоянно действующей двуполости человека» [Вейнингер, 2012, с. 8], отмечала, что эта тема будоражила ее сознание задолго до непосредственного знакомства с книгой Вейнингера. Еще в юности, 16 августа 1899 года, в дневнике “*Cop-tes d’amour*” она писала об «обмане возможностей», о «намёках на двуполость», когда человек «кажется и женщиной, и мужчиной» [Гиппиус, 2003, с. 48]. Проблемы пола, секса, любви глубоко волновали и Блока. Наблюдая «явное обновление путей человечества» нового времени, когда ломается «человеческая душа», поэт фиксировал: «...культура вы-

«Розовая девушка». Л. Д. Менделеева в роли Офелии в домашнем спектакле по пьесе Шекспира «Гамлет». Фотография И. Д. Менделеева. Боблово. 1898

пустила в эти “переходные” годы из своей лаборатории какой-то временный, так сказать, “пробный” тип человека, в котором в различных пропорциях смешано мужское и женское начало» [Блок, 1960–1963, т. 5, с. 464]. Попытки «создать нового человека, приспособленного для новой, изменившейся жизни», не дали позитивного результата, но «положили печать патологии, недосказанности, странности на всю литературу нашего молодого века» с ее «уродствами» и «порнографией» [Там же, с. 464–465]. В культуре через символику мужского/женского начала представлена и закреплена биологическая половая дифференциация: многие понятия и явления, такие как природа, культура, божественный или потусторонний мир, добро, зло, стихии, цвета и многие другие, ассоциируются с «мужским/маскулинным» или «женским/фемининным» началом. В настоящее время, отмечает Блок, «дело идет о новом “половом подборе”, о гармоническом распределении мужественных и женственных начал, тех начал, которые до сих пор находятся в дисгармонии и кладут препятствия освобождению человека» [Там же, с. 465].

7

Повествователь запечатлевает в исповеди чувства, пережитые в детстве/отрочестве. Он отмечает, что долгое время почти не знал ни самого мальчика, на которого упал его взгляд «в первый день гимназической жизни», ни его имени (лишь в 4-й главе появится имя — Дмитрий). В блоковедении существует версия относительно реального прототипа образа Дмитрия. Согласно семейным воспоминаниям, в младших классах у Саши не было друзей [Бекетова, 1930, с. 49], в старших ситуация изменилась, появились постоянные приятели: Леонид Фосс и Николай (Кока) Гун. Мария Андреевна Бекетова вспоминала так:

Фосс был еврей, сын богатого инженера, имевшего касательство к Сормовским заводам. Это был щеголь и франт, но не без поэтических наклонностей, и хорошо играл на скрипке. Гун принадлежал к одной из отраслей семьи известного художника Гуна. Это был мечтательный и страстный юноша немецкого типа. Друзья часто сходились втроем у Блока или в красивом доме Фоссов на Лицейской улице. Вели разговоры «про любовь», Блок читал свои стихи, восхищавшие обоих, Фосс играл на скрипке серенаду Брага, бывшую в то время в моде. В весенние ночи разгуливали они вместе по Невскому, по островам. С Гуном Блок сошелся гораздо ближе, Фосса же скоро потерял из вида. Гун приезжал и в Шахматово. А после окончания гимназии они вдвоем ездили в Москву, где отпраздновали свою свободу выпивкой и концертом Вяльцевой. На

последнем курсе университета Гун застрелился внезапно по романическим причинам. По этому поводу написано Блоком стихотворение. Случай произвел на него сильное впечатление.

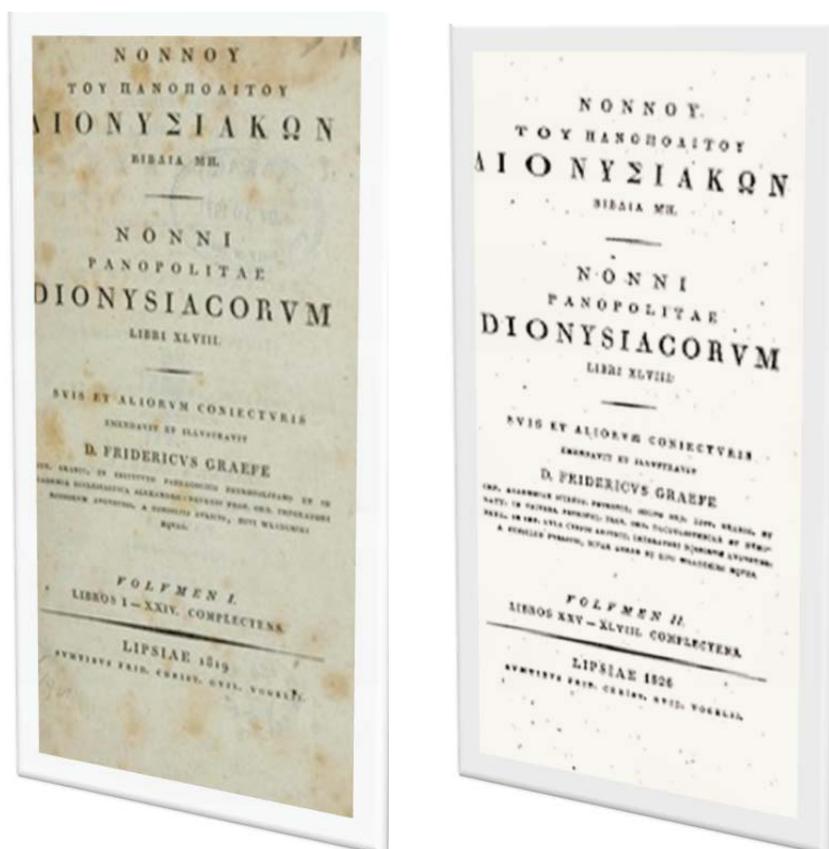
[Там же]

Двоюродный брат Блока Феликс Кублицкий-Пиоттух считал, что «Н. В. Гун едва ли мог быть действительно близок Блоку, так как по всем своим привычкам и вкусам был далек от духа и интересов, господствовавших в бекетовской семье» [Кублицкий, 1980, с. 82]. Независимо от степени приятельской «близости»/«дальности», вероятно, именно Николай Гун и стал прототипом образа Дмитрия. Исследователи отмечают: «...в образе Дмитрия выведен гимназический приятель главного героя — Кока Гун» [Грякалова, Иванова, 2013]; «возможно, существует сложно опосредованная связь между Гуном и художественным образом гимназического товарища... Дмитрием» [Кумпан, Конечный, 1987, с. 608].

В исповеди автор вспоминает: «Дмитрий и в старших классах остался таким же нежным и стройным мальчиком. Пушок бороды и усов пробивался еле заметно на его нежном лице, на котором сквозь тонкую кожу проступал совершенно отроческий румянец [на лбу вольный завиток]. Он напоминал лицом и телом, как мне кажется теперь, Лидийского Диониса⁴» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 44]. Под блоковские описания Дмитрия (в первый гимназический день во второй главке и в «старших классах» в четвертой) подходит скорее возлюбленный Диониса — Ампелос, известный как «Лидийский Ампел (Ampelos — виноградная лоза)» [Иванов, 1994, с. 88]. Образы Диониса и Лидийского Амπεла, их взаимоотношения описал древнегреческий поэт V века Нонн Панополитанский в грандиозной поэме «Деяния Диониса». Переводы поэмы на русский язык до 1997 года не известны. Но в принципе Блок мог познакомиться с древнегреческой поэмой в переводе на немецкий язык. В 1813 году немецкий профессор Фридрих Грефе (Fridericus Graefe), преподававший греческую литературу в Глав-

⁴ Наиболее авторитетное исследование дионисийства на русском языке, как известно, принадлежит Вяч. Иванову «Дионис и прадионисийство», где Дионис во всем мыслим «двуликим и двуприродным» [Иванов, 1994, с. 92]. «Двуликость его божественного существа обуславливает двойственность его культа [Там же, с. 93]. Он «мужеженский» бог, «повязанный женской головной повязкой», двигатель и виновник женского полового иступления [Там же, с. 138]. До издания книги (Баку, 1923) ее значительные фрагменты в виде серии статей печатались в ежемесячнике «Новый Путь» за 1904 год под заглавием «Эллинская религия страдающего бога» (Введение, Глава I — № 1. С. 110–124; Глава II — № 2. С. 48–77; Глава III — № 3. С. 38–61; Глава IV — № 5. С. 29–40; Глава IV — № 8. С. 17–26; Глава V — № 9. С. 47–70), а затем в сменившем его ежемесячнике «Вопросы Жизни» за 1905 год под заглавием «Религия Диониса» (Главы I–II — № 6. С. 185–220; Главы IV–V — № 7. С. 122–148). См.: [Иванов, 1904; 1905].

ном Педагогическом институте и в Духовной Академии в Санкт-Петербурге, издал книгу “Des Nonnos Hymnos und Nikaia” [Graefe, 1813], которая включала в себя греческий текст части «Деяний Диониса», комментарий и стихотворный перевод на немецкий язык, а позже опубликовал поэму полностью [Nonni Panopolitae, 1819–1826] в Лейпциге в двух томах [Захарова, Торшилов, 2003, с. 15].

В 10-й песне «Деяний» молодой Дионис, путешествуя по Лидии, встречается юношу, влюбляется в него: «Юношей Вакх пленился с ликом румяным и нежным. / Ибо в отрогах фригийских юноша Ампелос вырос / И возмужал... / Нежный пушок подбородка, юности цвет золотистый / Не препоясал ланиты округлые... пряди [волос его]... Вились вольно» [Нонн Панополитанский, 1997, с. 105–106]. Если сравнить описание Амπεла у Нонна и описания Дмитрия у Блока, то переключки очевидны. Согласно мифу, Ампелос и Дионис вместе путешествовали, охотились, пели, играли, пировали, соревновались в спортивных состязаниях. Дионису было пророчество: Ампелос умрет молодым. Он пытался предотвратить трагедию, но юноша погиб. И прототип образа Дмитрия — Николай Гун, как отмечалось, погиб молодым. В 1898 году Блок подарил ему свою фотографию с надписью: «Не забывай... в тяжелые минуты жизни своего друга, который всегда будет готов помочь тебе...» [Кумпан, Конечный, 1987, с. 610].

В последней, пятой главке исповеди автор рассказывает о своей поездке с Дмитрием верхом из Шахматова в Боблово, описывает конное соревнование своего серого «мерина в яблоках» с «золотисто-рыжей кобылой» Дмитрия и «тот особый задор, который роднит между собою ветер, лошадь и человека и связывает их одним стремлением к неизвестным далям, открывающимся по весне» [Блок, 1960–1963, т. 6, с. 45]. Неожиданно появляется странный эпизод:

...подъехал отставший от меня Дмитрий... Вдруг его нижняя губа дрогнула, и он произнес проникновенным голосом... стихи. ... взглянул на меня круглыми глазами, в которых было желание узнать мое мнение о его стихах. Я почувствовал внезапный прилив презрения к этому мальчику, отвернулся, сцепил зубы и ударил серого хлыстом. ...Серый... помчался.

[Там же, с. 46–47]

Испытанное презрение и стремительное удаление от него как бы ставит точку в отношении к «мальчику». Перемена настроений и отношений закрепляется итоговой картиной: безумная гонка автобиографического героя завершается идиллическим видением «розовой девушки». «Вдруг пронесся неожиданный ветер и осыпал яблоневого и вишневого цвет. За вьюгой белых лепестков, полетевших на дорогу, я увидел сидящую на скамье статную девушку в розовом платье с тяжелой золотой косой» [Там же, с. 48]. Образ девушки, основанный на жизненном факте, реальном прототипе (Люба Менделеева), несет в себе и будущий символ Вечной Женственности, фиксируя таким образом зарождение блоковского мифа — автобиографического и художественного. «Применительно к творчеству Блока, — отмечала Д. М. Магомедова, — мало видеть границы между “жизненным” и “литературным” рядами. Важно понять, что в сознании поэта существовал третий ряд событий — сакральный, эзотерический... Это и есть автобиографический миф, равно определяющий и осмысление эмпирической реальности, и “поэтику” жизненного поведения Блока, и развитие... мотивов его творчества» [Магомедова, 1997, с. 3].

Исповедь, будучи признанием, связанным с биографическим опытом автора, благодаря символично-эстетической оптике последнего эпизода — «видения», свидетельствует об обретении истинного пути. В совершении таинства исповеди, — учил И. Ильин, — происходит отрыв от «прежнего» и начало «нового», должен «зачаться» новый человек — по-новому видящий, любящий, постигающий, желающий и действующий...» [Ильин, 2004, с. 300]. «Исповедь язычника» включает основные компоненты исповедального текста: здесь есть раскаяние в давнем грехе; есть метанойя — перемена настроения (от обо-

жания мальчика к его презрению), есть «исправление», примирение с самим собой, возвращение на путь истинный (выбор розовой девушки). Значит, в основе своей текст как исповедь состоялся, и он завершен.

Список источников

Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк. 2-е изд. Л.: Academia, 1930. 321 с.

Бердяев Н. А. Письма молодого Бердяева / публ. Д. Барас // Память: Исторический сб. Париж: ИМКА-Пресс, 1981. Вып. 4. С. 220–245.

Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920 / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. М.: Худож. лит., 1956. 663 с.

Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960–1963. 8 т.

Вейнингер О. Пол и характер. Теоретическое исследование / пер. с нем. В. Лихтенштадта, под ред. и с предисл. А. Л. Волынского. СПб.: Посев, 1908. 484 с.

Вейнингер О. Пол и характер / пер. с нем. В. Лихтенштадта. М.: Астрель, 2012. 512 с.

Волкова Т. Н. Исповедь // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 85–86.

Гиппиус З. Н. Собрание сочинений / сост., примеч. Т. Ф. Прокопова, вступ. ст. А. Н. Николюкина. М.: Русская книга, 2003. Т. 8: Дневники 1893–1919. 576 с.

Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 91–105. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/print/rhprint.php> (дата обращения: 29.06.2022).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. 4 т.

Даниленко В. П. Александр Блок о духовной культуре (на материале его дневников) // Magister Dixit. 2013. № 4. С. 345–356.

Захарова А. В., Торшилов Д. О. Глобус звездного неба: Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского. СПб.: Алетейя, 2003. 377 с.

Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 350 с.

Иванов В. И. Религия Диониса // Вопр. жизни. 1905. № 6. С. 185–220; № 7. С. 122–148.

Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1. С. 110–124; № 2. С. 48–77; № 3. С. 38–61; № 5. С. 29–40; № 8. С. 17–26; № 9. С. 47–70.

Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: ООО АСТ, 2004. 386 с.

Иоанн Златоуст. Творения: в 12 т. СПб.: С.-Петербург. духов. акад., 1903. Т. 9, кн. 2. 1018 с.

Кантор В. К. Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. 832 с.

Клеш А. Русский гомосексуал (1905–1938 гг.): парадоксы восприятия // Новое лит. обозрение. 2012. № 5 (117). С. 96–115.

Кон И. С. Клубничка на березке: Сексуальная культура в России. 3-е изд. испр. и доп. М.: Время, 2016. 608 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1018493> (дата обращения: 29.06.2022).

Кублицкий Ф. А. Саша Блок. Из воспоминаний детства и юности // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 82–90.

Кумпан К. А., Конечный А. М. Александр Блок во Введенской гимназии // Александр Блок: Новые материалы и исследования: в 4 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. [Отв. ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм]. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 597–619. (Лит. наследство. Т. 92).

Луцевич Л. Ф. Автобиографические исповеди в литературе: Претексты. Тексты. Контексты. М.: Наука, 2020. 502 с.

Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с.

Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России / пер. с англ. Е. Островской. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 400 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/matich-oljga/eroticheskaya-utopiya-novoe-religioznoe-soznanie-i-fin-de-sicle-v-rossii/4> (дата обращения: 29.06.2022).

Мочульский К. В. Александр Блок. Париж: YMCA-PRESS, 1948. 443 с.

Нонн Панополитанский. Деяния Диониса / пер. Ю. А. Голубца, вступ. ст. А. В. Захаровой. СПб.: Алетейя, 1997. 595 с. URL: <http://simposium.ru/ru/node/11836> (дата обращения: 29.06.2022).

Павлова М. М. От составителя // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов / сост. М. М. Павлова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 5–6.

Покаяние // Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, [1913]. Т. II. Стлб. 1826–1827.

Розанов В. В. Пол и душа // Розанов В. В. Собрание сочинений: Во дворе язычников / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 213–220.

Тимошенко М. И. Христология Александра Блока // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Минск: БГУ, 2003. Вып. II. С. 74–90.

Троицкий В. А. Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912. 559 с.

Тэффи Н. А. Исповедь // Тэффи Н. А. Тихая заводь. Париж: Книгоиздательство «Русская земля», 1921. С. 125–133.

Устав гимназий и прогимназий министерства народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб.: Б. и., 1874. Т. XLVI, отд. 2: 1871. № 49860. С. 85–99.

Фукс И. Б. Гомосексуализм как преступление. Юридический и уголовно-политический очерк. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1914. 94 с.
URL: <http://www.bibliard.ru/vcd-1000000-1-1000008/index.html> (дата обращения: 29.06.2022).

Хайруллин К. Бог и революция // Зарубежные записки. 2015. № 27. С. 68–85.

Шабельская Г. А. Примечания // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. Т. 6: Проза 1918–1921. С. 493–551.

Шмеман А., *протопр.* Великий Пост / сост. С. А. Шмемана, пер. с англ. матери Серафимы (Осоргиной). М.: Моск. рабочий, 1993. 111 с.

Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. 3-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 648 с. URL: <https://www.litres.ru/aleksandr-etkind/hlyst/chitat-onlayn/> (дата обращения: 29.06.2022).

Graefe F. Des Nonnos Hymnos und Nikaea. St. Petersburg, 1813.

Nonni Panopolitae. Dionysiacorum libri XLVIII. Suis et aliorum co niecturis emendavit et illustravit D. Fridericus Graefe, litt. graecc. in instituto paedagogico Petropolitano et in academia ecclesiastica Alexandro-Nevensis prof. ord., imperatori Rossorum augustiss. a consiliis aulicis, divi Wladimirieques. Vol. I: libros I–XXIV complectens. Lipsiae: Sumptibus Frid. Christ. Guil. Vogelii, 1819; Vol. II: libros XXV–XLVIII complectens. Lipsiae: Sumptibus Frid. Christ. Guil. Vogelii, 1826.

References

Beketova, M. A. (1930) *Aleksandr Blok. Biograficheskij ocherk [Alexander Blok. Biographical Sketch]*. 2nd edn. Leningrad: Academia Publ.

Berdjaev, N. A. (1981) “Pis’ma molodogo Berdjaeva” [“Letters of the Young Berdy-aev”], *Pamjat’: Istoricheskij sbornik. Vypusk 4 [Memory: A Historical Collection. Iss. 4]*. Paris: YMCA-PRESS Publ., pp. 220–245.

Blok, A. A. (1965) *Zapisnye knizhki. 1901–1920 [Notebooks. 1901–1920]*. Ed. by V. N. Orlov, A. A. Surkov, K. I. Chukovsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.

Blok, A. A. (1960–1963) *Sobranie sochinenij: v 8 tomakh [Collected Works: 8 vols]*. Ed. by V. N. Orlov, A. A. Surkov, K. I. Chukovsky. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoj literatury [State Publishing House of Fiction].

Vejninger, O. (1908) *Pol i harakter. Teoreticheskoe issledovanie [Gender and Character. Theoretical Research]*. Transl. from the Ger. by V. Lihtenshtadt. St. Petersburg: Posev Publ.

Vejninger, O. (2012) *Pol i karakter* [*Gender and Character*]. Transl. from the Ger. by V. Lihtenshtadt. Moscow: Astrel' Publ.

Volkova, T. N. (2008) “Ispoved” [“Confession”], in *Pojetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [*Poetics: Dictionary of Current Terms and Concepts*] Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow: Kulaginoj Publ.; Intrada Publ., pp. 85–86.

Gippius, Z. N. (2003) *Sobranie sochinenij. Tom 8: Dnevniky 1893–1919* [*Collected Works. Vol. 8: Diaries 1893–1919*]. Comp., notes by T. F. Prokopov, preface by A. N. Nikolyukin. Moscow: Russkaja kniga Publ.

Grjakalova, N. and Ivanova, E. (2013) “Zapisnye knizhki Aleksandra Bloka bez kupjur” [“Alexander Blok’s Notebooks without Notes”], *Nashe Nasledie* [*Our Legacy*], 105, pp. 91–105. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/print/phprint.php> (Accessed: 29 June 2022).

Dal', V. I. (1978–1980) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 tomakh* [*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: 4 vols*] Moscow: Russkij jazyk Publ.

Danilenko, V. P. (2013) “Aleksandr Blok o duhovnoj kul'ture (na materiale ego dnevnikov)” [“Alexander Blok on Spiritual Culture (Based on the Material of his Diaries)”], *Magister Dixit*, 4, pp. 345–356.

Zaharova, A. V. and Torshilov, D. O. (2003) *Globus zvezdnogo neba: Pojeticheskaja masterskaja Nonna Panopolitanskogo* [*The Globe of the Starry Sky: The Poetic Workshop of Nonna Panopolitan*]. St. Petersburg: Aletejja Publ.

Ivanov, V. I. (1994) *Dionis i pradionisizstvo* [*Dionysus and Pradionisism*]. St. Petersburg: Aletejja Publ.

Ivanov, V. I. (1905) “Religija Dionisa” [“The Religion of Dionysus”], *Voprosy zhizni* [*Questions of Life*], 6, pp. 185–220; 7, pp. 122–148.

Ivanov, V. I. (1904) “Jellinskaja religija stradajushhago boga” [“The Hellenic Religion of the Suffering God”], *Novyj put'* [*A new Path*], 1, pp. 110–124; 2, pp. 48–77; 3, pp. 38–61; 5, pp. 29–40; 8, pp. 17–26; 9, pp. 47–70.

Il'in, I. A. (2004) *Aksiomy religioznogo opyta* [*Axioms of Religious Experience*]. Moscow: OOO AST Publ.

Ioann Zlatoust (1903) *Tvorenija: v 12 tomakh. Tom 9, kniga 2* [*Creations: 12 vols. Vol. 9, Book 2*]. St. Petersburg: Sankt-peterburgskaya dukhovnaya akademiya Publ.

Kantor, V. K. (2017) *Izobrazhaja, ponimat', ili Sententia sensa: filosofija v literaturnom tekste* [*Portraying, Understanding, or Sententia sensa: Philosophy in a Literary Text*]. Moscow; St. Petersburg: CGI Print Publ.

Klesh, A. (2012) “Russkij gomoseksual (1905–1938 gg.): paradoksy vosprijatija” [“The Russian Homosexual (1905–1938): Paradoxes of Perception”], *Novoe literaturnoe obozreniye* [*New Literary Review*], 5(117), pp. 96–115.

Kon, I. S. (2016) *Klubnichka na berezke: Seksual'naja kul'tura v Rossii* [*Strawberry on a Birch Tree: Sexual Culture in Russia*]. 3rd edn. Moscow: Vremja Publ. Available at: <https://znanium.com/catalog/product/1018493> (Accessed: 29 June 2022).

Kublickij, F. A. (1980) "Sasha Blok. Iz vospominanij detstva i junosti" ["Sasha Blok. From the Memories of Childhood and Youth"], in *Aleksandr Blok v vospominanijah sovremennikov: v 2 tomakh. Tom 1* [*Alexander Blok in the Memoirs of Contemporaries: 2 vols. Vol. 1*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 82–90.

Kumpan, K. A. and Konechnyj, A. M. (1987) "Aleksandr Blok vo Vvedenskoj gimnazii" ["Alexander Blok in the Vvedenskaya Gymnasium"], in *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovanija. Kniga 4* [*Alexander Blok: New materials and research. Book 4*]. Ed. by I. S. Zil'bershtein and L. M. Rozenblyum; AN SSSR. Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo. Moscow: Nauka Publ., pp. 597–619. (Literaturnoe nasledstvo. Tom 92 [Literary Legacy. Vol. 92]).

Lucevich, L. F. (2020) *Avtobiograficheskie ispovedi v literature: Preteksty. Teksty. Konteksty* [*Autobiographical Confessions in Literature: Pretexts. Texts. Contexts*]. Moscow: Nauka Publ.

Magomedova, D. M. (1997) *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve Aleksandra Bloka* [*Autobiographical Myth in the Works of Alexander Blok*]. Moscow: Martin Publ.

Matich, O. (2008) *Jeroticheskaja utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siècle v Rossii* [*Erotic Utopia: A New Religious Consciousness and fin de siècle in Russia*]. Transl. from the Engl. by E. Ostrovskaja. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9C/matich-oljga/eroticheskaya-utopiya-novoe-religioznoe-soznanie-i-fin-de-sicle-v-rossii/4> (Accessed: 29 June 2022).

Mochul'skij, K. V. (1948) *Aleksandr Blok* [*Alexander Blok*]. Paris: YMCA-PRESS Publ.

Nonn Panopolitanskij (1997) *Dejanija Dionisa* [*Acts of Dionysus*]. Transl. by Ju. A. Golubets, preface by A. V. Zakharova. St. Petersburg: Aletejja Publ. Available at: <http://simposium.ru/ru/node/11836> (Accessed: 29 June 2022).

Pavlova, M. M. (2004) "Ot Sostavitelja" ["From the Compiler"], in *Jerotizm bez beregov: Sbornik statej i materialov* [*Eroticism without Shores: A Collection of Articles and Materials*]. Comp. by M. M. Pavlova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 5–6.

"Pokajanie" ["Repentance"] (1913) in *Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij jenciklopedicheskij slovar'. Tom 2* [*The Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary. Vol. II*]. St. Petersburg: P. P. Sojkin Publ, col. 1826–1827.

Rozanov, V. V. (1999) "Pol i dusha" ["Gender and Soul"], in Rozanov, V. V. *Sobranie sochinenij: Vo dvore jazychnikov* [*Collected Works: In the Yard of the Pagans*]. Ed. by A. N. Nikoljukin. Moscow: Respublika Publ., pp. 213–220.

Timoshhenko, M. I. (2003) “Hristosologija Aleksandra Bloka” [“The Christology of Alexander Blok”], in *Nauchnye trudy kafedry russoj literatury BGU. Vypusk II* [Scientific Works of the Department of Russian Literature of Belarusian State University. Iss. 2]. Minsk: BSU Publ., pp. 74–90.

Troickij, V. A. (1912) *Očerki iz istorii dogmata o Cerkvi* [Essays from the History of the Dogma of the Church]. Sergiev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoj Lavry.

Tjeffi, N. A. (1921) “Ispoved” [“Confession”], in Tjeffi, N. A. *Tihaja zavod’* [Quiet Backwater]. Paris: Knigoizdatel’stvo “Russkaja zemlja”, pp. 125–133.

“Ustav gimnazij i progimnazij ministerstva narodnogo prosveshhenija” [“The Charter of gymnasiums and progymnasiums of the Ministry of Public Education”] (1874) in *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. Tom XLVI, ot-delenie 2: 1871* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection. Vol. XLVI, Unit 2: 1871]. St. Petersburg, pp. 85–99.

Fuks, I. B. (1914) *Gomoseksualizm kak prestuplenie. Juridicheskij i ugovolno-politicheskij ocherk* [Homosexuality as a Crime. Legal and Criminal-political Essay]. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol’za”. Available at: <http://www.bibliard.ru/vcd-1000000-1-1000008/index.html> (Accessed: 29 June 2022).

Hajrullin, K. (2015) “Bog i revoljucija” [“God and the Revolution”], *Zarubezhnye zapiski* [Foreign Notes], 27, pp. 68–85.

Shabel’skaja, G. A. (1962) “Primechanija” [“Notes”], in Blok, A. A. *Sobranie so-chinenij: v 8 tomakh. Tom 6: Proza 1918–1921* [Collected Works: 8 vols. Vol. 6: Prose 1918–1921]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoj literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 493–551.

Shmeman, A. (1993) *Velikij Post* [Great Lent]. Comp. by S. A. Shmeman, transl. from the Engl. by mother Serafima (Osorgina). Moscow: Moskovskij Rabochij Publ.

Jetkind, A. (2019) *Hlyst: Sekty, literatura i revoljucija* [The Whip: Sects, Literature and Revolution]. 3rd edn. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Available at: <https://www.litres.ru/aleksandr-etkind/hlyst/chitat-onlayn/> (Accessed: 29 June 2022).

Graefe, F. (1813) *Des Nonnos Hymnos und Nikaea*. St. Petersburg.

Nonni Panopolitae (1819–1826) *Dionysiacorum libri XLVIII. Suis et aliorum co-niecturis emendavit et illustravit D. Fridericus Graefe, litt. graecc. in instituto paedagogico Petropolitano et in academia ecclesiastica Alexandro-Nevensis prof. ord., imperatori Rossorum augustiss. a consiliis aulicis, divi Wladimirieques. Vol. I: libros I–XXIV complectens; Vol. II: libros XXV–XLVIII complectens*. Lipsiae: Sumptibus Frid. Christ. Guil. Vogelii.

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературоведения и межкультурных исследований Института специальной и межкультурной коммуникации Факультета прикладной лингвистики Варшавского университета. Адрес: Polska, 00-312, Warszawa, ul. Dobra, 55.

Information about the author: Ludmila F. Lutsevich — DSc in Philology, Professor of the Department of Literature and Intercultural Studies at the Institute of Special and Intercultural Communication, Faculty of Applied Linguistics of the Warsaw University. Address: 55 Dobra ul., Warszawa, 00-312, Polska.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 02.07.2022;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.